

УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В РЕПРЕССИЯХ ПРОТИВ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ И В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Аннотация. В исторической науке недостаточно полно исследована деятельность местных советов в управлении селом в конце 1920-х–1930-х гг. Поэтому весьма актуально провести региональное измерение процессов, происходивших в уральской деревне в переломный момент перехода от новой экономической политики к реализации идей социалистического переустройства сельского хозяйства. Чрезвычайная ситуация в период хлебозаготовок в 1927-1928 гг., начало массовой коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств, раскулачивание сопровождалось репрессиями не только правоохранительных органов, но и районных исполнительных комитетов советов, сельских советов. Как и сама коллективизация села, так и методы воздействия на крестьянское население по выполнению государственных обязанностей проводились на незаконной основе. Не только в начальный период, но и в последующие годы коллективизации методы устрашения и преследования стали определяющими в деятельности советских органов. Привлечение в качестве контролирующих структур уполномоченных вышестоящих партийно-государственных инстанций еще более усугубило положение в сельской местности. Совместными усилиями местных советских органов и разного рода уполномоченных крестьян принуждали беспрекословно следовать указаниям, исходящим из центра. Планы по заготовкам сельскохозяйственной продукции, налогам подлежали обязательному выполнению вне зависимости от урожая и реальной возможности крестьян. Некоторые платежи из добровольного дела превращались в обязательные. Ради выполнения поставленных задач, советские работники Уральского региона нередко нарушали закон, применяли недозволенные методы воздействия к сельским жителям. Так называемые перегибы, хотя и осуждались на словах, но являлись действенным средством воздействия на несогласных крестьян.

Ключевые слова: советские органы, село, репрессии, Уральский регион, коллективизация, заготовки сельскохозяйственной продукции.

Актуальность темы, избранной для исследования, вызвана тем, что в настоящее время отсутствуют научные публикации об участии властных региональных структур в репрессиях по отношению к крестьянству в конце 1920-х–1930-е гг. В данном исследовании ставится задача восполнить этот пробел на материалах Уральского региона. Современные историки пытаются всесторонне раскрыть особенности рассматриваемого периода. Наиболее значимыми являются научные труды В. П. Данилова, И. Е. Зеленина, Н. А. Ивницкого, Г. Е. Корнилова, Ш. Фицпатрик и других отечественных и зарубежных ученых [1; 3; 4; 6; 13]. На наш взгляд, им в полной мере удалось показать репрессивный характер политического режима и установить спектр насильственных действий в отношении сельских жителей. Прав Г. Е. Корнилов, когда утверждает, что коллективизация сопровождалась произвольным государственным террором против селян [6, с. 127]. Важно, что эти и другие ученые провели колоссальную работу по публикации новых, ранее секретных документов по репрессивной политике в отношении крестьянства [2; 5; 9; 11].

Все дальше уходит время, когда насилие, чрезвычайщина являлись обыденным делом. Молодое нынешнее поколение порой ориентируется на фальсифицированное, упрощенное изложение советской истории из недостоверных источников. Поэтому при изучении истории России ставится цель извлечь уроки из трагических событий прошлого, объективно оценить процессы, проходившие в уральской деревне в сложное для страны время.

Данная публикация на основе, как правило, новых источников дает региональное измерение событий накануне и во время насильственной коллективизации. Репрезентативность исследования обеспечивается территориальными рамками так называемого Большого Урала. В настоящее время на этой территории расположены такие территориальные единицы, как Башкирия и Удмуртия, Пермский край, Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбург-

ская области, а также частично Тюменская и Омская.

Как показали события в уральском селе конца 1920-х гг., во время хлебозаготовительного кризиса 1927-1928 гг. завершилась относительно либеральная новая экономическая политика. Непослушание крестьянства в выполнении указаний властей во время заготовок, вызванное попытками государства за бесценку получить сельскохозяйственную продукцию, привело к применению чрезвычайных мер и усилению репрессий. В этот период началась подготовка широкомасштабной акции по проведению массовой коллективизации и раскулачиванию. Главную роль в процессе играли местные советские органы - районные исполкомы советов, сельские советы. Указанные структуры фиксировали нарушения, применяли административные наказания, готовили материалы для привлечения нарушителей к суду. Они действовали совместно с уполномоченными, присылаемыми из области и района, и добровольными активами.

Когда складывалась напряженная обстановка с заготовкой сельскохозяйственной продукции или выполнением сельскохозяйственных работ, местные органы власти вместе с уполномоченными часто шли на неправовые, внеэкономические методы воздействия на крестьян ради достижения целей, постановленных партией и правительством. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, зафиксированные в Уральском регионе.

В феврале 1928 г. был отмечен 61 случай принудительного взыскания сельсоветами с крестьян платежей по самообложению¹. По сути, добровольные взносы, направляемые на социально-культурные мероприятия и благоустройство, стали обязательными. В некоторых селах крестьян, не желавших приобретать заем, работники сельских советов арестовывали на некоторое время, с тем чтобы заставить поменять решение².

Нередко руководство сельсоветов применяло насильственные действия и к крестьянам, не нарушавшим установленные порядки. Так, в д. Дружине Шатровского района Тюменского округа председатель сельсовета арестовал как кулака середняка Л. Полетаева, хотя тот своевременно осуществлял государственные платежи, не лишился права голоса и не был обложен индивидуальным налогом. Посев у этого крестьянина составлял до 8 десятин, имелись только две лошади, одна корова, но этого, по мнению председателя, было слишком много³.

Работники сельсоветов активно практиковали штрафные санкции и изъятие имущества. В Бугурусланском районе Средне-Волжского края райисполком передал свое право наложения штрафов сельсоветам. Массовые обыски и конфискация имущества проводились при масло- и мясозаготовках в Уральской области [5, с. 199].

Иногда районные органы советской власти вмешивались в незаконную деятельность сельсоветов. Президиум Курьинского райисполкома Уральской области в ноябре 1930 г. удовлетворил протест районного прокурора о неправильном применении штрафа в пятикратном размере за невыполнение твердого задания по хлебозаготовкам к крестьянину С. Берсеневу. Взыскание должно было исходить из фактически не сданного хлеба, оцениваемого в 485 руб., однако сельсовет изъясил все имущество семьи на 1043 руб., в том числе лошадь и корову, выгнал из описанного дома семью из восьми человек⁴. Отметим, что такие случаи признания незаконности действий сельсоветов были редки. Чаще беззаконие творилось при участии представителей местных органов власти, причем преобладало желание унижить человека, нарушить его права. В Соколовском и Запольском сельсоветах Верещагинского района Уральской области в 1931 г. при взыскании штрафов с лиц, получивших твердые задания, отбирались белье, домашняя утварь, половики. Все это свозили в сельсовет и продавали⁵.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 353. Л. 36.

² Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1442. Л. 44.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 674. Л. 12-13.

⁴ ГАСО. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 221. Л. 67.

По мнению секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М. М. Хатаевича, статья 61 Уголовного кодекса РСФСР применялась как орудие механического раскулачивания, а не для заготовок. В с. Токмакне Бугурусланского округа у середняка В. Уланова по ст. 61 сельсоветом были отобраны и проданы в числе другого имущества пара лаптей, пара опорок, кнут, пара шерстяных портянок и другое личное имущество [14, с. 15].

Применение статьи 61 УК РСФСР означало отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имевших общегосударственное значение. За нарушение предусматривался штраф, налагаемый соответствующим органом власти, в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания, повинности или работы; повторное нарушение грозило лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года; за те же действия, совершенные кулацкими элементами даже в первый раз, или другими лицами приотягчающих обстоятельствах (сговор группы лиц или оказание активного сопротивления органам власти в проведении повинностей, заданий или работ), назначалось лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, со ссылкой или без таковой. Не везде следовали духу и букве закона: у некоторых крестьян отбирали последнее личное имущество.

В подобной ситуации правоохранительные органы стремились указать властным структурам на правильность применения норм права. В 1932 г. Башкирский наркомат юстиции в своем постановлении подвел итог месячника революционной законности. В нем отмечалось негативное увлечение на местах штрафами как средством мобилизации средств населения. Так, наркомат финансов республики регулярно отправлял в районы контрольные цифры по штрафам, постоянно их увеличивая. Если в первом квартале предусматривалось собрать 125 тыс. руб., во втором – 144 тыс., то в третьем квартале – 251 тыс. руб. Райисполкомы в свою очередь направляли в сельсоветы контрольные цифры по штрафам со значительным увеличением. В Зириклинском сельсовете Бикбулатовского района подвергли штрафу 56 % хозяйств. В Туймазинском районе штрафовали за выход из колхоза и отказ от вступления в него, в Дуванском районе – за нежелание приобрести заем, в Белорецком районе – за отходничество и т. д.⁶

В то же время так называемые перегибы могли стать тяжким уголовным преступлением. В Ленинском сельсовете Туринского района в сентябре 1932 г. председателем сельсовета, секретарем партячейки, уполномоченным райкома партии во время облавы был убит крестьянин-бедняк Шишкин по подозрению в воровстве мяса. Было заведено уголовное дело, которое под нажимом райкома партии пытались прекратить, но затем вновь возбудили и привлекли виновных к судебной ответственности. По делу перегибов в 1932 г. в Туринском районе проходило свыше 40 обвиняемых [11, с. 470]. В Сухомлинском сельсовете Челябинского района под руководством председателя сельсовета Шеина обвиняемых в воровстве избивали, проводили незаконные аресты, практиковали издевательства над колхозниками и единоличниками [9, с. 574].

Поощрение беззакония не проходило бесследно. Некоторые руководители теряли чувство меры и сами оказывались осужденными. И такие случаи не были единичными. Перепоручив карательные функции местным работникам, вышестоящие управленческие структуры добивались выполнения директив далеко не правовыми способами. Как писал Ю. С. Кукушкин, военно-коммунистические методы ряда сельсоветов позволяли кулакам привлечь на свою сторону середняков [7, с. 177]. Советского историка больше всего волновало, что репрессии властей могли вызвать негативную реакцию середняцкой части крестьянства. Вполне естественно, что люди пострадавшие ни за что, не могли лояльно оценивать советскую власть.

Когда повсеместно низовая сельская власть стала нарушать права крестьян, то ЦИК СССР в 1933 г. запретил участие сельских советов в конфискации имущества. Как и по всей стране, сельсоветы на Урале применяли наиболее легкий метод выполнения указаний выше-

⁶ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее ЦИА РБ). Ф. 1419. Оп. 2. Д. 57. Л. 36, 36 об.

стоящих органов - с помощью насилия поддерживали страх среди крестьян [11, с. 740–742]. Могло показаться, что законность восторжествовала: злоупотребления властью стали осуждаться. Однако правовые нормы вновь и вновь нарушались, потому что негласно властные вышестоящие структуры поддерживали так называемые перегибы, издевательства над крестьянами. Методами устрашения было легче выполнять любые задания партии.

Особый размах репрессии со стороны руководителей разного ранга приобрели в начальный период коллективизации, когда власть любой ценой стремилась выполнить установленные показатели по созданию колхозов. В с. Илошамское Лебяжьевского района Курганского округа Уральской области организатор колхоза собрал группу крестьян и заявил: «Идите в коммуну, иначе я вас подавлю, как клопов на стене». В этом районе другой представитель власти запись в коммуну проводил ночью, сидя за столом, на котором лежал наган. В с. Кошкино Белозерского района уполномоченный Шорин заявлял: «Кто не идет в колхоз, мы будем высылать на Север, не будем считаться, бедняк это или середняк». ЦК ВКП(б) порой приходилось принимать решения о запрете принуждения при коллективизации [2, с. 388, 391]. Но показатели по ускоренной коллективизации, устанавливаемые той же высшей властью, вновь приводили администрацию районов к практике нажима на крестьян, не желавших вступать в колхоз.

Подобные негативные явления в деревне были характерны не только для начала 1930-х гг., когда властные структуры стремились приучить крестьян к новому порядку. Председатель Меселинского сельсовета Аургазинского района Башкирии Николаев в декабре 1934 г. создал две бригады для взыскания с единоличников недоимок налоговых платежей. Он посадил в подпол семь единоличников и держал сутки, пока те не согласились расплатиться. За это нарушение председателя сельсовета отдали под суд. В Белебеевском районе заведующий райфинотделом установил дополнительные налоги для единоличников до 2 тыс. руб. на отдельное хозяйство. Его осудили по ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление властью или служебным положением) на два года лишения свободы.

Местные чиновники, создавая обстановку нетерпимости к крестьянам, не выполнявшим приказы, совершая насильственные действия, сами попадали на скамью подсудимых. В Чишминском районе председатель Сайранского сельсовета, председатели колхозов и уполномоченный заставляли единоличников вступать в колхоз, под страхом высылки за пределы Башкирии. Все 49 единоличных хозяйств, в том числе два кулацких хозяйства, вступили в колхоз. Председатель сельсовета был предан суду за перегибы⁷.

Председатель Прошинского сельсовета Юкаменского района Удмуртии Чирков в связи с плохой сыпкой семенного материала за каждым из 50 колхозников закрепил два-три единоличных двора и назвал их буксирной бригадой. Колхозников послали проводить обыски у единоличников. Если не находили семена, то забирали муку и печеный хлеб. В другом колхозе этот председатель сельсовета послал колхозников на обыски под страхом исключения из колхоза. Здесь также все забрали у единоличников⁸.

Бытовало мнение, что работникам сельсоветов трудно и почти невозможно знать действующие законы. В одной из статей журнала «Социалистическая законность» подчеркивалось, что «такие настроения на руку только лицам, желающим действовать так, как им кажется «удобней» и «целесообразней» [8, с. 83]. Бесспорно, чиновники должны были знать законы, но могли ли они в суровой реальности тех лет соблюдать законность. Руководители сельсоветов обязаны были выполнять любые указания вышестоящих органов. Даже предложения о повышении юридической грамотности вряд ли могли изменить ситуацию. Работников органов советской власти вынуждали меньше объяснять причины усиления давления на крестьян, а больше действовать репрессивными методами. Они становились винтиками в механизме карательной системы.

Не отставали от руководителей сельских советов, а часто толкали на произвол в отно-

⁷ ЦИА РБ. Ф. 1419. Оп. 2. Д. 62. Л. 116-116 об.

⁸ Центральны государственный архив Удмуртской Республики (далее ЦГА УР). Ф. 635. Оп. 2. Д. 7. Л. 134.

шении крестьянства уполномоченные партийно-советских органов. Партийные функционеры вместе представителями советов принимали активное участие в репрессиях. Феномен уполномоченного до конца не исследован. Однако этот институт стал связующим звеном в цепи район – сельсовет – колхоз. Имея широкие права, уполномоченный должен был проявлять недюжинную хватку, особые организаторские способности, лавируя между законом и беззаконием. Ударные сельскохозяйственные и другие кампании, которых было не перечислить, не обходились без этой знаковой фигуры командно-мобилизационной системы. Уполномоченный становился в ряд внесудебных институтов, вершивших суд в деревне.

При заготовках хлеба зимой-весной 1928 г., в пик активизации так называемых перегибов, беззаконие уполномоченных не преследовалось. Они действовали по призыву газеты «Правда» – не ставить формальную законность выше политической линии [10, с. 80]. Об организации таких «мероприятий» уполномоченными в 1928 г. сообщал один из членов партии, живший в Краснокаменском сельсовете Уйского района Уральского области. Уполномоченный Шеметов решил поугубить кулаков, которые составляли четверть всех хозяйств сельсовета. Была создана группа из 58 бедняков, к которой он обратился со словами: «Будем бить, ломать, покажется мало, будем головы сшибать. Кто останется, тот не нашей партии». Кто по доброй воле, а кто под угрозой пошел вершить беззаконие. Время выбрали удачное – 11 часов ночи. Развернули красные флаги и отправились по дворам: впереди шли уполномоченные окружка, уполномоченный ГПУ района и представитель райкома партии, сзади два милиционера. Подходя к дому зажиточных крестьян, ломали ворота и кричали, чтобы хозяева выходили и отдавали хлеб. Выходивших с поднятыми руками избивали, толкали в амбар, где избиения снова продолжались. Женщины плакали, убегали из домов в поле⁹.

Уполномоченный Тюменского райисполкома Сатюков в д. Ожигино собрал крестьян на общее собрание, закрыл двери, поставил в дверях налоговых исполнителей и приказал под угрозой ареста и конфискации имущества приобрести заем. При этом деньги требовалось уплатить в течение суток. За такое самоуправство уполномоченного предали суду по 109 ст. УК. Такие же случаи отмечены в Шадринском, Троицком округах Уральской области¹⁰.

В определенной степени, уполномоченные так же, как и работники сельсоветов становились заложниками существовавшей системы взаимоотношений между властью и сельскими жителями. Являясь функционером одной из вышестоящих организаций, уполномоченный должен был беспрекословно выполнять порученное задание, не считаясь ни с чем: ни с правовыми, ни моральными нормами. Отказ от применения насилия к селянам мог привести к снятию с должности, изгнанию из партии, привлечению к судебной ответственности.

Только за май-июнь 1928 г. 14 окружкомов партии Уральской области на бюро и секретариатах обсуждали ход хлебозаготовок 152 раза. В село было послано 60 уполномоченных. Излюбленными методами их работы стали запугивание, административный нажим, описи, обыски, аресты. В Яланском районе Челябинского округа обыски охватили от 30 % до 100 % домохозяев, при этом арестовывали от 10 до 60 человек. В Каракульском районе Троицкого округа уполномоченный из округа устанавливал сельсоветам контрольные цифры по количеству арестованных. Так, Белоозерскому сельсовету было запланировано посадить под арест 20–25 человек. Только за июнь в Степном районе Троицкого округа произвели до 200 обысков.

В Челябинском округе были случаи арестов за не сдачу 3–5 пудов хлеба. При обысках разворачивали полы, ломали стены, разбрасывали вещи, в том числе в домах семей красноармейцев. У одного середняка из Каменского района Шадринского округа из имевшихся в наличии 24 пудов забрали половину, после чего крестьянин с горя повесился. Хлеб отбирали не только у состоятельных мужиков, но и у бедняков. После таких обысков запасы на еду оставляли по 20 фунтов до нового урожая. Бывали и такие случаи, как в Кунгурском районе: когда крестьянин-бедняк купил хлеб, а его отобрали. В Талицком районе в д. Горбуновка

⁹ ГАСО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 369. Л. 180.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 353. Л. 38-39.

уполномоченный при отказе середняков сдавать хлеб сажал их в холодную кладовую. Такой участи не избежали и женщины с грудными детьми¹¹. В Ирбитском округе Уральской области весной 1928 г. работники правоохранительных органов были мобилизованы в качестве уполномоченных по сельсоветам и районам, что незамедлительно привело к перегибам в их карательной деятельности [12, с. 186].

Крестьянина д. Шабурово Багарякского района П. Шабурова уполномоченные обязали сдать дополнительно 200 пудов хлеба сверх того, что им уже было сдано. Для этого крестьянин вынужден был продать корову и купить хлеб на рынке, чтобы сдать заготовителям. И все это произошло, несмотря на то, что он был отцом красноармейца, имел многодетную семью и по положению к кулакам не относился.

Крестьянин-середняк В. Загайлов написал в окружную прокуратуру, что он «со своей семьей заперт в собственном доме. Заколочены все окна и ворота, и не разрешается мне выходить даже по воду, не выпускают скот. Кроме того, взыскивают с меня 15 рублей в каждые сутки за усадьбу. Такие репрессии на меня положены за то, что я отказался платить хлеба столько, сколько они предлагали»¹².

В д. Огневой уполномоченным райисполкома и председателем сельсовета был объявлен бойкот нескольким крестьянам. У них изъяли спички и керосин, а горящие дрова в печке залили водой. Ночью тайком вывезли все дрова из дворов и огородов. Вызывали крестьян в сельсовет ежедневно и держали там сутки. Из-за этого в д. Солодиловой Камышовского района покончил самоубийством крестьянин Д. Ручьев. В предсмертной записке написал: «Трупа моего не бойтесь. Жизнь заставила совершить преступление»¹³.

В качестве уполномоченного Уральского обкома партии в с. Александро-Невское был направлен студент коммунистического вуза Исаков. С него требовали выполнения плана по сбору хлеба и рекомендовали: «Вы приехали заготовить хлеб, а не плакать вместе с зажиточной частью деревни, а поэтому нужно больше энергичной работы, меньше слез». На что Исаков отвечал: «Я большевик с февраля 1917 г., три года командовал бронепоездом в гражданскую войну. Ныне в запасе. Никогда не плакал и теперь не плачу, а пишу, что есть. Мне все время приходится сидеть в накуренном и смрадном помещении сельсовета и доводить хлебодатчиков до слез и истерической ругани. Некоторые режут белугами. Уж больно «веселая» работенка. Жду выезда своего из этого «рая» с нетерпением»¹⁴. Но таких уполномоченных, недовольных порученным делом, было немного. В с. Сумки одноногого крестьянина, инвалида гражданской войны, не сдавшего положенного объема хлеба, по рекомендации уполномоченного собрание заставило стоять 10 часов. Ему повесили доску с надписью: «Я враг Советской власти. Есть хлеб, а не сдаю»¹⁵. И при этом популярным средством наказания продолжали оставаться штрафы. Примеры из Глазовского района Удмуртии свидетельствуют, что они налагались за мелкие проступки и их назначали все кому не лень: общественные суды, председатели и члены правления колхозов, уполномоченные¹⁶.

Итак, применение силы или угрозы силы стали обычным явлением в жизни уральского села. Местные руководители различного уровня, работники подчиненных им учреждений стали частью карательной системы. Произвол, царивший в деревне, особенно в период всевозможных чрезвычайных хозяйственно-политических кампаний, позволял успешно выполнять намеченные планы. Так называемые перегибы шли не в счет. За них могли наказать, вплоть до лишения свободы, но важнее было четко и оперативно исполнить директиву вышестоящего начальства. Кого-то из должностных лиц показательно наказывали, но остается неизвестным, сколько руководителей не ответило за беззаконие. В недрах управленческих структур вырабатывалось мнение, что с помощью силы можно решить любой вопрос. В

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 352. 43, 51–53.

¹² На смену. 1991. 6 января.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГА УР. Ф. 357. Оп. 1. Д. 379. Л. 9, 40.

большинстве случаев должностные лица никакой ответственности не несли.

Можно по-разному относиться к событиям в селе в то время, но не следует забывать, что унижение человека, нарушение его минимальных прав и свобод не может быть оправданным средством достижения никакой великой цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М. : РОССПЭН, 2011. 863 с.
2. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг.: [Сборник / Сост. В. П. Данилов и др.]; Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. 525 с.
3. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.
4. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М. : Институт российской истории РАН, Университет г. Торонто (Канада), 2000. 172 с.
5. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Том 1. Массовые репрессии в СССР. М. : РОССПЭН, 2004. 728 с.
6. Корнилов Г. Е. Сталинская модернизация деревни: несостоявшийся агропереход (1935–1953 гг.) // Историко-педагогические чтения. 2006. № 10. С. 125–144.
7. Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М. : Издательство Московского университета, 1968. 294 с.
8. Лебединский В. Об укреплении социалистической законности на селе // Социалистическая законность. 1938. № 3. С. 83–87.
9. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1995. Документы и материалы. Свердловская область. 1917–1941. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 792 с.
10. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН, 1998. 456 с.
11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти тт. Т. 3. (конец 1930–1933 г.). М. : РОССПЭН, 2001. 1008 с.
12. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: функционирование карательной системы: монография. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. 245 с.
13. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история России в 30-е годы: деревня. М. : РОССПЭН, 2001. 422 с.
14. Хатаевич М. М. Итоги хлебозаготовок и политическое положение в деревне. Самара: Государственное издательство Средне-Волжское краевое отделение, 1930. 36 с.

V. V. Filatov (Magnitogorsk, Russia)

PARTICIPATION OF LOCAL SOVIET ADMINISTRATIONS OF THE URAL REGION IN REPRESSIONS AGAINST PEASANTS ON THE EVE AND IN THE YEARS OF COLLECTIVIZATION

Abstract. Activity of local councils in village management in the late 1920s and 1930s was not fully studied in the historical studies. Therefore, it is quite important to conduct a regional measurement of the processes that took place in the Ural village at a turning point at the transition from the new economic policy to the implementation of the socialist reorganization in agriculture. The emergency situation during the grain procurement in 1927–28, the beginning of mass collectivization of individual peasant farms, dekulakization were accompanied by repression not only of law enforcement bodies, but also of district executive committees of councils, village councils. The collectivization of the village itself, as well as the methods of influencing the peasant population to fulfill state duties, both were conducted on an illegal basis. Not only at the beginning, but also in the following years of collectivization, methods of intimidation and persecution became decisive in the activities of Soviet bodies. Involvement of authorized higher-level party and government institutions as controlling structures further exacerbated the situation in rural areas. The joint efforts of local Soviet bodies and various authorized staff peasants were compelled to follow instructions from the center unquestioningly. Plans for harvesting agricultural products, taxes were the subject to mandatory im-

plementation, regardless of the crop and the real possibilities of the peasants. Some payments from voluntary business turned mandatory. In order to fulfill the tasks set, Soviet workers in the Urals region often violated the law, applied unlawful methods of influence to the villagers. The so-called excesses or extra measures, although condemned in words, were an effective means of influencing dissenters.

Keywords: Soviet authorities, village, repression, the Ural region, collectivization, harvesting of agricultural products.

REFERENCES

1. Danilov V. P. *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2-kh ch. Ch. 1.* Moscow, ROSSPEN, 2011, 863 p.
2. *Dokumenty svidetel'stvuyut: Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii 1927–1932 gg.: [Sbornik / Sost. V. P. Danilov i dr.]; Pod red. V. P. Danilova, N. A. Ivnit'skogo,* Moscow, Politizdat, 1989, 525 p.
3. Zelenin I. E. *Stalinskaya «revolyutsiya sverkhu» posle «velikogo pereloma». 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty,* Moscow, Nauka, 2006, 315 p.
4. Ivnit'skii N. A. *Repressivnaya politika sovet'skoi vlasti v derevne (1928–1933 gg.),* Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Universitet g. Toronto (Kanada), 2000, 172 p.
5. *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. Sbranie dokumentov v 7 tomakh, vol. 1. Massovye repressii v SSSR,* Moscow, ROSSPEN, 2004, 728 p.
6. Kornilov G. E. *Stalinskaya modernizatsiya derevni: nesostoyavshiisya agroperekhod (1935–1953 gg.),* *Istoriko-pedagogicheskie chteniya,* 2006, no. 10, pp. 125–144.
7. Kukushkin Yu. S. *Sel'skie Sovety i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1932 gg.),* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1968, 294 p.
8. Lebedinskii V. *Ob ukreplenii sotsialisticheskoi zakonnosti na sele, Sotsialisticheskaya zakonnost',* 1938. no. 3, pp. 83–87.
9. *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1917–1995. Dokumenty i materialy. Sverdlovskaya oblast'. 1917–1941,* Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, 2005, 792 p.
10. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline. M. : ROSSPEN, 1998. 456 s.*
11. *Tragediya sovet'skoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tt., vol. 3. (konets 1930–1933 g.),* Moscow, ROSSPEN, 2001, 1008 p.
12. Filatov V. V. *Ural'skoe selo, 1927–1941 gg.: funktsionirovanie karatel'noi sistemy: monografiya.* Magnitogorsk, NMSTU, 2009, 245 p.
13. Fitspatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Rossii v 30-e gody: de-revnya,* Moscow, ROSSPEN, 2001, 422 p.
14. Khataevich M. M. *Itogi khlebozagotovok i politicheskoe polozhenie v derevne,* Samara, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Sredne-Volzhskoe kraevoe otdelenie, 1930, 36 p.

Филатов В. В. Участие местных советских органов Уральского региона в репрессиях против крестьян накануне и в годы коллективизации // *Гуманитарно-педагогические исследования.* 2018. Т. 2. № 3. С. 29-36.

Filatov V. V. Participation of Local Soviet Administrations of the Ural Region in Repressions Against Peasants on the Eve and in the Years of Collectivization, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 2, pp. 29-36

Сведения об авторе

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; v.philatov@mail.ru

Author:

Vladimir V. Filatov, Doctor of Historical Sciences, associate professor Department of World History Institute of Humanitarian Education Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); v.philatov@mail.ru